

<...>Стрельцы перестали бунтовать; но правительства не было; в церквах поминали великого государя Петра Алексеевича, но не «бессемейной» матери его было думать о правительстве, и с кем? Все пряталось и трепетало за собственную безопасность. Правительством должны были овладеть люди, которые не прятались и не трепетали, а действовали,— Софья со своими сестрами и приверженцами. Царевны управляли Россией! Софья выдвинулась сама собою на первый план, и никто ей не мешал: это было единственное лицо из царского дома, которое хотело управлять, и все волею-неволею обращалось к ней, к ней обращались и стрельцы со своими просьбами или требованиями, и, разумеется, Софья спешила удовлетворить их, раздала им деньги, сколько только можно было собрать, посулила вперед по 10 рублей на человека, согласилась дать им почетное название «надворной пехоты». У надворной пехоты не было начальника: начальником ее стал, неизвестно по чьему указу, князь Хованский; главным орудием его или руководителем был стрелец Алексей Юдин, раскольник, выборный Воробина полка.

Софья управляла на деле; но это управление надобно было освятить правом: Софья управляла во дворце, а в церквах поминали великого государя царя Петра Алексеевича. 23 мая Хованский донес царевнам, что стрельцы прислали выборных: все стрельцы и многие чины Московского государства хотят, чтоб царствовали оба брата вместе, в противном случае грозят опять приходить с оружием. Царевны послали за боярами, окольными и думными людьми; те не захотели решить такого великого дела одни; созван был собор, сошлись патриарх, архиереи и выборные из разных чинов людей Московского государства, т. е. города Москвы. Мысль, что придут опять стрельцы, заставила советных людей найти предложение двоевластия очень полезным: когда один царь пойдет с войском, то другой останется в Москве для внутреннего управления; не стало и за примерами истории, сходными и несходными, толковали о фараоне и Иосифе, об императорах Аркадии и Гонории, Василии и Константине. Решено: быть обоим братьям на престоле. Ударили в большой колокол, в Успенском соборе пели молебен и возгласили многолетие благочестивейшим царям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу. Уже этим самым возглашением давалось первенство Иоанну перед Петром; но сочли за нужное выразить это еще определеннее, понизить Петра перед Иоанном чтоб тем самым понизить царицу Наталью Кирилловну, отнять у нее возможность требовать себе правительства. Опять стрелецкие выборные явились с требованием, чтоб Иоанн был первым царем, а Петр вторым. Царевны объявили, что выборные говорят по внушению Божию, и 26 мая дума вместе с патриархом и архиереями решила: Иоанну быть первым царем, а Петру вторым, что и объявлено стрельцам и всему народу. Стрельцов кормили во дворце, ежедневно по два полка, и 29 мая они объявили боярам, чтобы правительство, по молодости обоих государей, было вручено сестре их, царевне Софье Алексеевне. Началась обычная церемония: все стали упрашивать Софью принять правительство, та отказываться, наконец, согласилась<...>

<...>Софья посредством стрельцов избавила себя и своих от страшной беды, отогнала ненавистную мачеху от правительства и сама стала правительницею. Ей было очень тяжело по смерти брата Феодора, в будущем представлялось еще худшее, и она в отчаянии, по инстинкту самосохранения, ухватилась за стрелецкие копыя. Но были еще люди, которым было также тяжело и которые, по указанию Софьи, хотели ухватиться за

стрелецкие копья, чтоб выйти из тяжелого положения, дать торжество своему делу. Стрельцы избили бояр, возвратили старшинство старшему царевичу: они сильны поднять и старую благочестивую веру, которую гонят никонианцы. На третий день после бунта в Титове стрелецком полку уже рассуждали о том, чтобы изыскать старую православную веру, подать челобитную, чтоб патриарх и власти дали ответ от божественного писания, за что они старые книги возненавидели и возлюбили новую латино-римскую веру. В полку не нашлось человека, кто бы сумел сложить челобитную и дать ответ властям, призвали чернослободца из Гончарной слободы Семена Калачникова и стали его спрашивать: «Нет ли у вас между посадскими людьми или в ином чину ревнителей старой веры, чтоб были искусны и учены божественному писанию, умели бы сложить челобитную о старом благочестии и ответ дать патриарху и властям?» «Слыхал я от своей братьи,— отвечал Калачников,— что есть такие божественных писаний сказатели». Стрельцы начали его упрашивать, чтоб привел к ним таких. Калачников обещался, пошел в свою слободу и рассказал, в чем дело, троим из своих — Никите Борисову, Ивану Курбатову и Савве Романову, бывшему прежде келейником у архимандрита Макарьевского Желтоводского монастыря. «Порадеем,— говорил Калачников,— а стрельцы сильно хотят постоять за старую веру». Чернослободцы порадели и отыскиали «ревнителя отеческих преданий и твердого адаманта», монаха Сергия. «Подвигнемся!» — отвечал им Сергий. Подвигнулись, все впятером отправились в дом к Никите Борисову и начали писать челобитную о старой вере от лица всех стрелецких полков и всех чернослободцев. На другой день челобитная была уже готова, и Калачников отправился в Титов полк с радостною вестью, что поручение исполнено. **Пятисотенный** с двумя другими стрельцами пошел с ним к нему в дом, чтоб посмотреть на твердого адаманта и послушать, какую челобитную сочинили чернослободцы. «Попекитесь, братия,— начал говорить им Сергий,— о стольких душах, погибающих от новых книг; не дайте нас в поругание по-прежнему, как братию нашу, жечь да мучить, а мы готовы обличить их новую веру». «Готовы, честной отче! — отвечал пятисотенный.— Готовы с вами заодно умереть за старое благочестие, коротко скажем: что будет вам, то и нам». Сергий поклонился ему в землю и велел Савве Романову прочесть челобитную. Стрельцы пришли в изумление: «Отроду не слыхали мы такого слога и такого описания ересей в новых книгах!» — говорили они. Такое же впечатление произвела челобитная, когда Савва прочел ее в другой раз перед стрельцами, собранными у сезжей избы: многие плакали, а когда чтение кончилось, все закричали: «Подобает, братия, постоять за старую веру и кровь свою пролить за Христа-света; за тленное было головы свои положили, за Христа-света для чего не умереть?»

Стрельцы объявили Хованскому, что у них готова челобитная. Хованский, приверженец старины во всем, был известен как приверженец и старой веры, ходило предание, что он даже и страдал за нее. Хованский обрадовался, но спросил: «Есть ли, братия, кому ответ давать властям; велико дело Божие сие, надобно, чтоб люди ученые были». «Есть у нас инок, зело искусен божественному писанию, и посадские многие люди на сие дело тщатся», — отвечали стрельцы. «Приведите их всех ко мне на дом и сами приходите», — сказал боярин и назначил время<...>

<...>С шумом вошли раскольники в Грановитую и расставили свои налои и свечи, как на площади; они пришли утверждать старую веру, уничтожить все *новшества*, а не замечали, какое небывалое новшество встретило их в Грановитой палате: на царском месте одни женщины! Царевны-девицы открыто пред всем народом, и одна царевна заправляет всем! Они не видели в этом явлении знамения времени. На царских тронах сидели две царевны — Софья и тетка ее Татьяна Михайловна, пониже в креслах царица Наталья Кирилловна, царевна Марья Алексеевна и патриарх, направо архиереи, налево светские сановники, царедворцы и выборные стрельцы.

Патриарх обратился к отцам с вопросом: «Зачем пришли в царские палаты и чего требуете от нас?» Отвечал Никита: «Мы пришли к царям-государям побить челом о

исправлении православной веры, чтоб дали нам свое праведное рассмотрение с вами, новыми законодателями, и чтоб церкви божии были в мире и соединении». Патриарх сказал на это то же, что говорил прежде раскольникам у себя: «Не вам подобает исправлять церковные дела, вы должны повиноваться матери святой церкви и всем архиереям, пекущимся о вашем спасении; книги исправлены с греческих и наших харатейных книг по грамматике, а вы грамматического разума не коснулись и не знаете, какую содержит в себе силу». «Мы пришли не о грамматике с тобою говорить, а о церковных догматах!» — закричал Никита и сейчас же показал, что он понимает под догматами, обратившись к патриарху с вопросом: зачем архиереи при осенении берут крест в левую руку, а свечу в правую? За патриарха стал отвечать холмогорский епископ Афанасий. Никита бросился на него с поднятою рукою: «Что ты, нога, выше головы ставишься? Я не с тобою говорю, а с патриархом!» Стрелецкие выборные поспешили оттащить Никиту от епископа. Тут Софья не выдержала, вскочила с места и начала говорить: «Видите ли, что Никита делает? В наших глазах архиерея бьет, а без нас и подавно бы убил». Между раскольниками послышались голоса: «Нет, государыня, он не бил, только рукою отвел». Но Софья продолжала: «Тебе ли, Никита, с св. патриархом говорить? Не довелось тебе у нас и на глазах быть; помнишь ли, как ты отцу нашему и патриарху и всему собору принес повинную, клялся великою клятвою вперед о вере не бить челом, а теперь опять за то же принялся?» «Не запираюсь,— отвечал Никита,— поднеся повинную за мечом да за срубом, а на челобитную мою, которую я подал на соборе, никто мне ответа не дал из архиереев; сложил на меня Семен Полоцкий книгу: *Жезл*, но в ней и пятой части против моего челобитья нет; изволишь, я и теперь готов против Жезла отвечать, и если буду виноват, то делайте со мной что хотите». «Не стать тебе с нами говорить и на глазах наших быть»,— сказала ему Софья и велела читать челобитную. Когда дочли до того места, где говорилось, что чернец Арсений-еретик с Никоном поколебали душою царя Алексея, Софья опять не вытерпела: слезы выступили у нее на глазах, она вскочила со своего места и начала говорить: «Если Арсений и Никон патриарх еретики, то и отец наш и брат такие же еретики стали; выходит, что и нынешние цари не цари, патриархи не патриархи, архиереи не архиерей; мы такой хулы не хотим слышать, что отец наш и брат еретики: мы пойдем все из царства вон». С этими словами царевна отошла от своего места и стала поодаль. Хованский, бояре все и выборные расплакались: «Зачем царям-государям из царства вон идти, мы рады за них головы свои положить». Раздались и другие речи между стрельцами: «Пора, государыня, давно вам в монастырь, полно царством-то мутить, нам бы здоровы были цари-государи, а без вас пусто не будет».

Но эти выходки не могли ослабить впечатления, произведенного на выборных словами Софьи. «Все это оттого, что вас все боятся,— говорила им царевна,— в надежде на вас эти раскольники-мужики так дерзко пришли сюда. Чего вы смотрите: хорошо ли таким мужикам-невеждам к нам бунтом приходиться, творить нам всем досады и кричать? Неужели вы, верные слуги нашего деда, отца и брата, в единомыслии с раскольниками? Вы и нашими верными слугами зоветесь: зачем же таким невеждам попускаете? Если мы должны быть в таком порабощении, то царям и нам здесь больше жить нельзя: пойдем в другие города и возвестим всему народу о таком непослушании и разорении».

Ничем нельзя было так напугать стрельцов, как угрозою, что цари оставят Москву. В них было живо сознание, что поведение их с 15 мая возбудило сильное неудовольствие в могущественных классах, что бояре их ненавидят, как бунтовщиков и убийц, что многочисленное дворянское войско, и прежде их не любившее, теперь не даст им пощады по первому мановению правительства, что они целы до сих пор и наводят страх на мирное народонаселение Москвы только потому, что правительство их прикрывает; но если правительство отречется от них, оставит Москву? Выборные отвечали: «Мы великим государям и вам, государыням, верно служить рады, за православную веру, за церковь и за ваше царское величество готовы головы свои положить и по указу вашему все делать. Но сами вы, государыня, видите, что народ возмущенный и у палат ваших стоит множество

людей: только бы как-нибудь; этот день проводить, чтоб нам от них не пострадать, а что великим государям и вам, государыням, идти из царствующего града — сохрани боже! Зачем это?»

Софья возвратилась на свое место. Продолжали читать челобитную. Софья не могла удержаться, чтоб не поспорить еще с раскольничьими монахами о разных вещах. Когда челобитная была прочтена, патриарх взял в одну руку Евангелие, писанное митрополитом Алексием, в другую Соборное деяние патриарха Иеремии с символом веры, как он читается в новоисправленных книгах. «Вот старые книги,— сказал Иоаким,— и мы им вполне последуем». Но самое сильное впечатление произвел один священник, который выступил вперед с книгою, напечатанною при патриархе Филарете. «Вот ваши любимые книги филаретовские,— сказал священник,— смотрите, что в них напечатано: разрешается на мясо в великий четверток и субботу!» Никита, молчавший до сих пор после окрика Софьи, не вытерпел, но мог только выбраться с досады. «Таки же плуты печатали, как и вы»,— сказал он священнику.

Чтение челобитной кончилось, и раскольников отпустили из Грановитой. Вышедши из Кремля, они остановились на Лобном месте и опять рассказывали народу, сколько ересей никонианцы насеяли в божественные книги, хвалились, что переспорили и посрамили всех архиереев. С Лобного отправились за Язу; здесь в церкви Спаса в Чигасах отслужили молебен со звоном и разошлись по домам.

Народ не слышал, как отцы спорили с архиереями, и те, которые колебались, хотели *смотреть правду*, оставались в прежнем недоумении. Стрелецкие выборные, обещавшиеся смотреть правду, не видали правды Никиты с братиею в Грановитой, слышали только грозные слова царевны и правительницы, что она не будет долее сносить буйства раскольников, покинет с государями Москву, и вся вина ляжет на стрельцах, которых считают защитниками раскола. «Не променяйте нас и все Российское государство на шестерых чернецов, не дайте в поругание святейшего патриарха и всего освященного собора!» — говорила Софья выборным, и те отвечали ей: «Нам до старой веры дела нет, это дело св. патриарха и всего освященного собора». Выборные были щедро награждены и угощены за такие умные речи; рядовые стрельцы побуянили, но не могли устоять перед царским погребом, когда выставили на десять человек по ушату: принесли заручные, что вперед не будут вступаться за старую веру, а раскольников начали бить, крича: «Вы, бунтовщики, возмутили всем царством!» Те бросились бежать, куда кто мог: *отцов* перехватывали; Никите, как самому дерзкому заводчику смуты и нарушителю своего обещания, отсекли голову, Хованский никак не мог спасти его<...>

Том 14 Глава 1

<...>Официально, от имени царей, была послана Голицыну грамота: «Мы, великие государи, тебя, ближнего нашего боярина и оберегателя, за твою к нам многую и радетьельную службу, что такие свирепые и исконные креста святого и всего христианства неприятеля твоею службою не нечаянно и никогда не слыхано от наших царских ратей в жилищах их поганских поражены и побеждены и прогнаны, и что объявились они сами своим жилищам разорителями: отложив свою обычную свирепую дерзость, пришед в отчаяние и в ужас, в Перекопи посады и села и деревни все пожгли, и из Перекопи с своими поганскими ордами тебе не показались и возвращающимся вам не явились, и что ты со всеми ратными людьми к нашим границам с вышеописанными славными во всем свете победами возвратились в целости — милостиво и премилостиво похваляем».

Ослепленная страстию Софья была в восторге, что «свет ее» избег страшной опасности, возвратился здоровым из степного похода, где мог погибнуть со всем войском. Голицын казался ей вторым Моисеем, проведшим людей своих по дну

морскому; ей представлялись только его труды, его опасности, в отбитии хана она видела действительно великий подвиг, великую победу. Но другие, и многие, имели право смотреть иначе на дело, имели право оскорбляться прославлениями, наградами за поход, не достигший своей цели, и это уже был второй такой поход. Современники не могли так снисходительно смотреть на эти походы Голицына, как можем смотреть теперь мы, отдаленные от события более чем на полтора столетия.

Таково было участие России в священном союзе против турок. Результаты движений русского войска были ничтожны в сравнении с числом ратных людей, приготовлениями, издержками; но нельзя было сказать, чтобы походы эти были совершенно бесполезны, ибо они отвлекали крымского хана от подаяния помощи туркам в других местах.

Главное внимание правительства было обращено на юг: здесь хотели закрепить Малороссию Киевом и освободиться от позора дани татарской. Разумеется, что, имея в виду эти две цели, хотели жить в мире с Швециею, и в январе 1683 года были подтверждены условия Кардисского договора. Из сношений с другими государствами замечательны сношения с Пруссиею: в 1688 году позволена была свободная торговля бранденбургским подданным у Архангельска; в следующем году чрез посланника Чаплича заключен был договор с Прусским двором о свободной торговле между подданными обоих государств; по ходатайству того же Чаплича дана была царская грамота о дозволении приезжать в Россию и селиться французским эмигрантам евангелического исповедания, принужденным оставить отечество вследствие уничтожения **Нантского эдикта**

<...>

Том 14 Глава 2

<...> Положение Софьи было похоже на положение тех людей в легендах, которые заключили договор со злым духом — пользоваться до известного времени всевозможными наслаждениями жизни, но по прошествии срока сделаться добычею ада. Понятно, что Софья должна была думать о средствах, как бы упрочить свою власть; понятно, что об этом хлопотали люди, взысканные ею и которые лишались всего с ее падением. Софья — правительница благодаря неспособности одного брата и молодости другого; возмужает последний — и правительство Софьи должно окончиться; надобно сделать, чтоб оно не кончилось. Первый шаг уже сделан, учреждено двоевластие, оба брата венчаны на царство: отчего не быть троевластию? отчего Софье не венчаться на царство? Тогда помазанницу божию никто не свергнет. Софья в государственных бумагах присоединила свое имя к именам обоих братьев, вместе с ними называлась *самодержицею* всея Руси. **Дьяк Волков**, отправленный посланником в Венецию, объявил там, что с великими государями *соцарствует* сестра их, великая государыня Софья Алексеевна. Один из сенаторов заметил: «Дождь и весь сенат удивляются, как служат их царскому величеству подданные их, таким превысоким и славным трем персонам государским?» Волков отвечал, что подданные всех трех персон вместе повеление исполняют. Но все эти провозглашения не крепки, все это не помазание. А между тем страшный срок приближался: Петр выросал, и вместе с ним росли надежды мачехи, и смелее, резче становились ее слова; когда Софья присоединила свое имя к именам братним, царица прямо сказала царевнам Михайловнам и Алексеевнам: «Для чего она стала писаться с великими государями вместе? У нас люди есть и того дела не покинут». Две постельницы царицы Натальи передавали Софье все, что говорилось про нее нехорошего, враждебного у мачехи, передавали, что сильнее всех бранят ее брат царицы Лев Кириллович Нарышкин и князь Борис Алексеевич Голицын.

Лев Нарышкин и князь Борис Голицын были самые приближенные люди к царице Наталье; князь Василий Голицын и Шакловитый были самые приближенные люди к царевне Софье. Князь Василий был сам неспособен на преступные, кровавые меры; но мы видели, в какое затруднительное положение поставил он себя отношениями к Софье. В этом положении ему приходили в голову страшные мысли, что хорошо было бы, если бы что-нибудь случилось, только от других, а не от него, и проговорился он однажды: «Жаль, что в стрелецкий бунт не уходили царицу Наталью вместе с братьями: теперь бы ничего и не было». Другая была природа Шакловитого: он не дрожал ни перед какими средствами, не довольствовался бесплодными сожалениями о прошедшем: всем обязанный Софье, он погибал с ее падением; худородного подьячего, произведенного милостию царевны в окошничие, не спасет знатный род, знатные родственники; обязанность быть верным благодетельнице красила расчеты себялюбия. Софья или Наталья? Шакловитый со страшною наивностию высказывал свой выбор: «Чем тебе, государыня, не быть, лучше царицу извести».

Понятно, что Шакловитый спешил наложить свою руку на кого мог из людей, высказывавших свою приверженность к Петру; пытал и выслал из Москвы **стольника Языкова**, который говорил, что царь Петр Алексеевич — царь только по имени, а бить челом ему никто не смеет. Но поймать и сослать того или другого не осторожного на слова ничего не значило. «У нас люди есть», — говорила царица Наталья, и действительно у царя Петра были люди, которые при случае не ограничатся одними словами; у царя Петра есть свое войско, это ненавистные *потешные конюхи, озорники*, как величала их Софья со своими приверженцами. От них одно спасение в стрельцах; надобно опять к ним обратиться, как в 682 году. Но не притупилось ли это оружие с 682 года и не сама ли Софья с Шакловитым способствовали этому притуплению, вырвавши его из рук Хованского? Самые дерзкие из стрельцов были удалены из Москвы по предложению Шакловитого, осталось большинство людей спокойных, довольных своим положением, которых трудно поднять. Да и чем поднять, на какое дело? В августе 1687 года Шакловитый вдруг предлагает начальным людям стрелецким написать челобитную, чтоб Софья венчалась царским венцом. «Мы челобитной писать не умеем», — отвечали стрельцы. «Челобитная будет написана», — уверяет Шакловитый. Челобитная будет написана, но кому ее подать? Царям? О старшем никто не думал, все дело было в младшем. «Послушает ли нас царь Петр Алексеевич?» — спрашивают стрельцы. «Если не послушает, ступайте в Верх, задержите боярина Льва Кирилловича и кравчего Бориса Алексеевича: тогда примет челобитье». «А патриарх и бояре?» — опять спрашивают стрельцы. «Патриарха можно переменить, а бояре — отпадшее, зяблое дерево; разве постоит до поры до времени один князь Василий Васильевич Голицын».

Так вот в чем дело! Чтоб исполнить желание царевны и Шакловитого, надобно пойти в Верх бунтом, задержать двоих самых близких к царю людей, сменить патриарха! Прежде стрельцы были постепенно приготавлиемы к бунту раздражением и разнуздыванием, да и тут масса была поднята известием, что Нарышкины задушили царевича; а теперь велят бунтовать, чтоб достигнуть небывалого, странного дела, и это после того, как употреблены были все средства, чтоб охладить стрельцов к бунту, заставить их бояться его.

Начальным людям дали по пяти рублей с наказом, чтоб поговорили с товарищами в полках. Но в полках предложение было принято также холодно, и Софья поспешила сама отказаться от него.

Надобно было, по крайней мере, разогреть преданность стрельцов, упрочить себе их защиту на всякий случай, выставить им опасность, которой подвергается Софья. Правительница призвала к себе ночью несколько стрельцов и начала им натолковывать, что царица Наталья с братьями и Борисом Голицыным поднимает бунт, и патриарх против нее, Софьи, чем бы мирить, только мутит. Шакловитый, как будто обращаясь с советом к царевне, давал знать стрельцам, какие средства должно употребить, чтоб успокоить

Софью: «Отчего бы князя Бориса и Льва Нарышкина *не принять*? Да и царицу можно бы принять. Известно тебе, государыня, каков ее род и как в Смоленске в лаптях ходила». Софья отвечала на это: «Жаль мне их, и без того их бог убил». Стрельцы отвечали очень неопределенными словами: «Воля твоя, государыня, что изволишь, то и делай».

Неопределенными словами отвечали стрельцы на неопределенные требования, неопределенные жалобы. Какой бунт поднимает царица? Понятно, что Шакловитый мог найти из стрельцов только пять человек, готовых на все; эти пятеро были: Петров, Стрижов, Кондратьев, Чермный и Гладкий, которых интересы были тесно связаны с интересами Софьи. Шакловитый говорил Чермному: «Хотят нас перевести, а мутит всем царица; меня хотят высадить из приказа, а вас, которые ко мне в дом вхожи, разослать всех по городам». И вот Чермный, чтоб избыть беды, начинает толковать товарищам: «Как быть? Хотя и всех побить, а корня не выведешь; надобно уходить старую царицу, *медведицу*». Ему возражали, что за мать вступится царь Петр; Чермный не останавливался: «Чего и ему спускать? за чем стало?» Гладкий толковал: «У царя Ивана Алексеевича двери завалили дровами и поленьем и царский венец изломали, а кому ломать только с ту сторону».

Стрельцы оставались холодны к этим рассказам: поленьем закидали, венец изломали! Прежде было сказано, что и совсем задушили, а что вышло? Придумали средство посильнее: ночью в двух местах подезжала к стрелецким караулам вооруженная толпа, схватывала десятника, и начальник толпы приказывал его бить до смерти, несчастного начинали колотить, но слышался голос из толпы: «Лев Кириллович! За что его бить до смерти? Душа христианская!» После было узвано, что мнимый Нарышкин был подьячий приказа Большой казны Шошин, доверенный человек правительницы<...>